

КОМИТ МАРЦЕЛЛИН О ПОЗДНЕАНТИЧНОМ ГОРОДЕ

Хорошо известный византинистам и антиковедам "Хроникон" латиноязычного иллирийца комита Марцеллина¹, служившего в канцелярии Юстиниана I, давно используется специалистами для изучения преимущественно политической истории Римской империи конца IV — середины VI в. В 70-90-е гг. прошлого века он обстоятельно исследовался в источниковедческом плане², значительный вклад в определение его места в позднеантичной хронистике сделан в последнее время австралийским ученым Б.Кроуком³, но с точки зрения социальной, политической и идейной направленности "Хроникон" до сих пор специально не изучался.

Я попытаюсь рассмотреть только один аспект подобной проблематики — характер отражения "Хрониконом" жизни города. Насколько мне известно, такого рода вопрос не ставился не только по отношению к ранневизантийской хронистике, но и вообще к тогдашней исторической мысли. Между тем, как показывает изучение в подобном

¹ Об иллирийском происхождении Марцеллина см.: Cassiodorus. *Institutiones* / Ed. R. A. B. Mynors. Oxford, 1937. I.17. О его возможной связи с иллирийскими знатными фамилиями см.: Holder-Egger O. *Untersuchungen über einige annalistische Quellen zur Geschichte des fünften und sechsten Jahrhunderts* // *Neues Archiv der Gesellschaft für älteste deutschen Geschichtskunden*. Hannover, 1877. Bd.2. S.49-50. Точку зрения на этот счет Т. Моммзена см.: MGH AA. T.XI. Vol.2. P.41-42. Далее ссылки на Марцеллина даются по моммзеновскому изданию (*Marcellini comitis chronicon*) без указания автора "Хроникона", но с указанием соответствующего раздела сочинения — *annus* (a).

² Соответствующую литературу см.: Potthast A. *Wegweiser durch die Geschichtswerke des europäischen Mittelalters bis 1500*. Graz, 1954. Bd.1. S.764.

³ См.: Croke B. *The Misunderstanding of Cassiodorus Institutiones* 1.17.2 // *Classical Quarterly*, 1982. 31,1. P.225-226; Idem. A.D.476: *The Manufacture of a Turning Point* // *Chiron*, 1983. Bd.13. P.87-90. Из немногочисленных работ, касающихся данной темы, отмечу также: Bartonkova D. *Marcellinus Comes and Jordanes's Romana* // *Sbornik Praci Filosofske Fakulty Brnenske University*. 1967. E 12. P.185-194; Varady L. *Jordanes-Studien: Jordanes und das "Chronicon" des Marcellinus Comes — Die Selbständigkeit des Jordanes* // *Chiron*, 1976. Bd.6. S.441-487.

ключе публицистических произведений IV-V вв. (Либаний, Синесий, Феодорит), это дает возможность не только получить более глубокое представление о концептуализации современниками проблем городской общины¹. Здесь обнаруживаются и ранее незаметные грани развития самого урбанизма на рубеже античности и средневекья².

Как известно, основополагающим элементом сословно-социальной структуры античности, в том числе и поздней, является категория гражданства. Объективно связанная с существованием городской общины, эта категория отражена и Марцеллином. Но термин *cives* встречается лишь в пяти сообщениях "Хроникона", причем в одном из них, где речь идет о землетрясении в Иллирике, этот термин близок к понятию "жители" (а.518.1)³. Определенная тенденциозность Марцеллина в отношении иллирийского материала, отмеченная уже давно, может лишь частично объяснить подобный факт⁴, поскольку в остальных четырех случаях *cives* обладают несколько иными качествами.

Во-первых, речь в этих случаях идет лишь о константинопольцах (а.501, 2-3; 512.7; 523; 532). Во-вторых, поведение *cives* проникнуто в данных сообщениях яркой социальной позицией. Так, Марцеллин, рассказывая о казнях социально опасных городских элементов, отмечает, что это было "приятное зрелище для добрых граждан (*bonis civibus*)" (а.523). В прочих трех случаях *cives* представлены как источник социальных движений в Константинополе. Например, часть *cives*, "церерина партия", строит козни против "партии синих" и организует то время зрелищ побоище, в результате которого "более чем

¹ См., например: Левченко М.В. Пентаполь по письмам Синезия // ВВ. 1956. Т.IX. С.3-44; Coster C.H. Synesius, a Curialis of the Time of the Emperor Arcadius // Idem. Late Roman Studies. Cambridge (Mass.), 1968. P.145-182; Petit P. Libanius et la vie municipale a Antioche aux IVe siecle apres J.C. P., 1955.

² Нельзя не отметить заострение данного вопроса М.Я.Сюзюмовым. "Люди переходного времени пользовались термином "город" — *polis*, и историк обязан выяснить, каковы те хозяйственные, социальные и политические особенности, благодаря которым отдельные населенные пункты назывались "городами" (Сюзюмов М.Я. Византийский город (середина VII — середина IX в.) // ВВ. 1967. Т.XXVII. С.39).

³ Достаточно сравнить два пассажа: "*Scopus ... metropolis, licet sine civium suorum hostem fugientium clade, funditus tamen corrui; ...civibus castellorum saxorumque ruinas vel adhuc hostium incursiones fugientibus...*" (а.518.1).

⁴ См.: MGH AA. T.XI. Vol.2. P.41.

три тысячи граждан оплакал августейший город" (а.501). Собираясь в цирке, *cives* вынуждают идти на уступки императора Анастасия, но он обманывает их (а.512, 6-7). Наконец, во время восстания Ника *cives* "с вражеской нечестивостью растекаются по царственному городу ... с грабежами, железом и огнем" (а.532). Однако примечательно, что в описании финала восстания погибшие обозначены как *innumeris populis*. Таким образом, в отмеченных последних трех случаях сообщений "Хроникона" *cives* отличаются от *bonos cives*, имеют иную не только социальную, но и количественную характеристику, сближаются с понятием *populus* (а.409; 445.2; 437.2: 507.1).

В самом деле, в других сообщениях Марцеллин, упоминая народные движения в Константинополе, оперирует термином *populus*. Одно из этих сообщений даст основание видеть в данном термине представителей плебейского сословия, ибо речь идет о *magna populi seditio*, вызванном "недостатком хлеба" (а.409). Знак равенства между понятиями *populus* и *plebs* отчетливо виден в рассказе о другом "хлебном бунте" (а.431.3).

Совершенно понятно, что *populus* получает денежные раздачи от частных и официальных лиц (а.389.1; 452.1; 521) и наслаждается жестокими зрелищами (а.498.2).

Если вновь обратиться к звучанию термина *cives* в сообщении о восстании Ника, то бросается в глаза указание хрониста на возбуждение *cives* представителями *pleris nobilium*. Поскольку последний термин в "Хрониконе" единичен, — как и термин *bonos cives*, — а контексты употребления обоих понятий весьма различны, то говорить о сходстве их социального содержания было бы преждевременно.

Таким образом, хотя общие черты различий внутри гражданства "Хроникон" и намечаются, но, во-первых, представлены в основном примером Константинополя, а во-вторых, тяготеют к картине резкого социального контраста в населении этого города. "Средние" социальные группы в такой палитре почти неуловимы, а социальная активность плебса, то и дело подчеркиваемая хронистом, создает впечатление нестабильности городской жизни V-VI вв. в Византии.

Но Константинополь находится в центре внимания "Хроникона" не столько как эпицентр социальных волнений,

сколько как императорская резиденция, центр управления империей, в которой разыгрываются основные политические события, фиксируемые Марцеллином¹. В то же время это не только августейший (а.381.1; 435.2; 436; 438.2; 501.3), царственный (а.133; 446.2; 480.1, 527; 528; 535.4) и священный (а.509.1; 511) город. Хронист фиксирует во внутренней жизни Константинополя постройку важных общественных сооружений — цистерн и терм (а.127.2; 143.3), форума Феодосия в Гелиане (а.435.1). Марцеллин считает нужным отметить указ Маркиана о необходимости кандидатам в консулы жертвовать деньги на строительство городского водопровода (а.452.1). В "Хрониконе" упоминается восстановление епископом Атиком главной церкви столицы (а.415.1), а также строительство Юстинианом Св. Софии — "великой церкви Константинополя, единственной в своем роде во вселенной" (а.537.5). Также отмечается восстановление городских стен префектом претория Константином (а.447.3), портиков и башен — Антиохом (а.448.2). Не раз фиксируется водружение в столице императорских статуй (а.390.3; 403.2; 421.2).

Применительно к другим городам империи строительная деятельность как сюжет самостоятельного сообщения "Хрониконем" почти не представлена. Исключение — подробный, но, возможно, являющийся интерполяцией, не принадлежащей Марцеллину, рассказ о строительстве Дары (а.518.3-4). Нет в хроникальных сюжетах и фактов внегородского строительства.

Таким образом, фиксация государственного строительства общественных сооружений явно отражает особое внимание хрониста не просто к "филантропической" политике императоров по отношению к городу². Это внимание замыкается на Константинополе.

В известном смысле объекты подобного внимания Марцеллина множатся при описании примеров "внестроительной" филантропии императоров. Так, Феодосий I производит денежные раздачи жителям Рима (а.389.1). Multa

1 Уже О.Хольдер-Еггер полагал "более чем вероятным", что Марцеллин написал свое сочинение в Константинополе. "Его интерес привлекают преимущественно события, которые касаются этого города" (Holder-Egger O. Op.cit. S.54).

2 О "прогородской" направленности императорской филантропии см.: Constantelos D. Byzantine Philanthropy and Social Welfare. New Brunswick; New Jersey, 1968. P.4-60.

munificentia совершается Феодосием II в отношении граждан Кизика (а.436). Восторженно описываются зрелища, данные константинопольцам консулом Юстинианом (а.521); не менее эмоционально сообщается о восстановлении Юстинианом-императором *utramque senatorum ex more srectantium porticum* (а.528). В этих случаях особо подчеркнута щедрость императора, его великодушные по отношению к народу и сенаторам.

Итак, если в данном случае список затронутых императорской благотворительностью городов и увеличен, но ограничивается все же заметными центрами империи.

Примечательно и то, что немногие факты церковного строительства, по сути дела, поданы "Хрониконем" в той же манере, что и факты строительства типично светского. античного — цирк, портики. Возможно, так отражен Марцеллином позднеантичный, становящийся христианским, полисный патриотизм, который выразился в возрастании пожертвований на церковные сооружения, но все же был направлен, как пишут Г.Л.Курбатов и Г.Е.Лебедева¹, на прославление города.

В этом плане "городской" характер "Хроникона", возможно, проявился и в характере сообщений о монастырях и монахах. Упомянутые хронистом монастыри находятся в городах — Еметзине и Амиде (а.453.3-4; 502.2). Монашествующие упомянуты четыре раза, из них лишь один раз — нейтрально (а. 453.4). В остальных трех случаях оценка действий монахов негативна. Еретик Евтихий назван "первенствующим среди нечестивейших монахов" (а.451). Именно монахи предали персам Амиду (а.502.2). В ходе волнений в Константинополе в 512 г. уничтожались *Anastasii Caesaris monastico habitu adsentatores* (а.512.4). Можно предположить, что в подобных оценках отразилось отрицательное отношение хрониста к тем нередким смутам в городах, которые затевались определенными группами монахов.

Характер освещения "Хрониконем" фактов, связанных с деятельностью тех или иных епископов, также в известной мере имеет отношение к городской проблематике.

¹ Курбатов Г.Л., Лебедева Г.Е. Город и государство в Византии в эпоху перехода от античности к феодализму // Город и государство в древних обществах. Л., 1982. С.68.

Если учитывать тесную связь церкви с интересами византийской городской общины¹ и все возрастающую к VII в. роль епископа в муниципальной организации, анализ отношения современников к такому явлению оказывается актуальным.

Деятельность епископов, довольно часто фиксируемая Марцеллином, крайне редко обрамляется в форму развернутого рассказа. Чаще всего это — лапидарные сообщения, хотя и сопровождаемые оценочными суждениями. Например, сведения о римских первосвященниках сводятся к аккуратной, но трафаретной даже по форме констатации восхождения такого-то человека на папский престол и к указанию срока его понтификата². Но в целом большинство сведений, касающихся епископата, если они относительно подробны, относятся к столице Византии. Наиболее подробны в этом цикле сообщения о деятельности Иоанна Златоуста, его ссылке и судьбе его останков (а.398.3; 403.3; 438.2). Из рассказов о рукоположениях и деятельности других столичных епископов выделяются краткие сообщения о Нестории (а.428.1-2; 430.3) и о конфессиональных конфликтах между императором Анастасием и патриархами Евфимием и Макадонием (а.494.1; 495; 511). В аналогичном ключе составлен целый цикл сведений о расправах Анастасия с ортодоксальными епископами провинций — Флавианом Антиохийским, Иоанном Палтензийским, Дорофеем Анкирским и Илией Иерусалимским (а.512.9; 513; 516.2).

Епископы периферийных центров представлены также циклом кратких сведений о сочинении ими авторитетных теологических трудов. Таковы сообщения о Евхерии Лугдунском, Исааке Антиохийском, Проспере Аквитанском, Феодорите Киррском, Феодоле Келесирийском, Иоанне Антиохийском (а.456.2; 459; 463; 466; 478; 486). Из столичных епископов в этом цикле присутствуют Иоанн Златоуст, Агтик и Геннадий (а.398.3; 416.2; 470).

¹ См.: Demandt A. Die Spätantike. München, 1989. S.411-412.

² Только в заключительных разделах "Хроникона" указывается такая сторона деятельности пап, как визиты в Константинополь (а.525; 535.2,4; 536.10; 547.4). Хотя она отвечает "константинополецентристскому" духу "Хроникона", но может не приниматься в расчет, так как эти сведения записаны не Марцеллином.

Примечательно, что даже сведения о принципиальных для церковной истории вселенских соборах, в том числе Халкидонском, выполнены в "Хрониконе" крайне лапидарно (а.381; 449.2; 451).

Резким контрастом ко всем этим кратким сообщениям является объемный (по масштабам труда Марцеллина) рассказ о конфликте Анастасия с пятью ортодоксальными прелатами Иллирика (а.516.3). По содержанию рассказ входит в вышеупомянутый цикл о конфессиональных спорах между этим императором и православными священнослужителями. Суть рассказа — прославление земляков Марцеллина, оказавших отпор еретическому нажиму центральной власти. Города Иллирика, представленные данными прелатами (Лихнид, Сердика, Никополь, Наисс, Павталия), упоминаются "Хрониконом" только в этом сообщении. Но в последнем сделан прозрачный намек и на опору священнослужителей: епископы Сердики и Павталии были возвращены Анастасием на свои кафедры "из боязни иллирийского правоверного солдата". Здесь же подчеркнуто возвращение Лауренция Лихнидского из изгнания "в отечество свое", где он "и находит упокоение".

Таким образом, "городской иллиризм" Марцеллина оказывается заметным даже на фоне тяготения основной массы информации "Хроникона" к Константинополю.

Отражение Марцеллином позднеантичного городского бытия выглядит своеобразным в обширной подборке сообщений, где город является, по сути, главным "героем" описываемых событий. Эта значительная группа сюжетов касается событий, для империи весьма печальных, связанных для нее с огромными материальными и социальными потерями. В то же время эти потери, как показывает "Хроникон", органично связаны с бедами городов.

Марцеллин 15 раз фиксирует землетрясения, из которых только в четырех случаях города в качестве объекта бедствия напрямую не называются¹. Зато трижды фиксируются землетрясения в Константинополе (а.402.3; 447.1-3; 480.1), причем в двух случаях это обстоятельные, драматичные рассказы, описывающие подробности бед-

¹ В одном из этих случаев объект вообще не указан (а.396.3), в другом это — *aliquantae regiones Europae* (а.394.3), в третьем — *multis in locis* (а.423.3), в четвертом случае — *Provincia Pontica* (а.499.2).

ствия. Но интересно, что еще раз мы встречаем подробнейшее описание последствий землетрясения применительно к провинции Дардания (диоцез Дакия, префектура Иллирик, с которой, как мы помним, Марцеллин был тесно связан) (а.518.1). Меньше подробностей присутствует даже в рассказе об антиохийском землетрясении (а.526).

В остальных случаях описания землетрясений, затронувших города, довольно кратки — идет ли речь о Равенне, Кизике, Лаодикии и ряде других центров (а.460; 467.3; 494.2). Однако подобные сообщения интересны в двух отношениях.

Во-первых, они дают понять, что Марцеллин четко отличает *civitas* от других населенных пунктов, пострадавших от бедствия. Так, он отмечает в качестве жертв землетрясений *civitas* Кивира и *aliquanta praedia* (а.417.2), *civitas villaeque* Палестины (а.419.2), *civitas vel oppida* Азии (а.472.3). В качестве сравнения укажем и на сообщение о наводнении, нанесшем ущерб *aliquanta oppida atque praedia* Вифинии (а.144.3). Таким образом, *civitas* как объект бедствия — это Антиохия, Равенна, Кизик, Кивира — словом, нечто общеизвестное для того времени. *Oppida*, *praedia* и *villae* — нечто иное; в данной группе сообщений это безымянные пункты, упоминаемые всегда после *civitas*.

Во-вторых, Марцеллин не забывает подчеркнуть, что в том или ином случае пострадала "порядочная часть" населенных пунктов, "многочисленные" города и поместья, "значительное число" городов и поместий. Очевидно, хронист фиксировал не все землетрясения, а лишь наиболее катастрофичные по тогдашней шкале, наиболее значимые, на его взгляд.

Последнее обстоятельство, а также тот факт, что именно *civitas* уделено большее внимание во всем цикле таких сообщений, опять-таки указывает на особый вес крупного города в глазах Марцеллина.

С другой стороны, примечательно, что в сообщениях, посвященных вторжениям в империю каких-либо врагов, собственно города в качестве объекта нападения выделяются реже¹. Таких сообщений в "Хрониконе" — 30, т.е.

¹ Здесь не учитываются два сообщения об исаврийских грабежах в Малой Азии (а.405; 492), а также описания событий, связанных с юстиниано-

довольно немного по сравнению с сюжетами, касающимися внутренних имперских усобиц и превратностей церковной жизни державы. Из этих 30 рассказов только 12 говорят об опустошениях и захватах варварами *civitates*. Сжигает Рим Аларих (а.410), захватывают и разрушают Карфаген вандалы (а.439.3; 534), гунны разоряют многочисленные *civitates* и *oppida* Иллирика (а.441.3), война с ними "сбрила города и крепости" Европы (а.447.2), Атила разоряет Аквилею (а.452.3), вандалы — Рим (а.455.3), Теодорих Амал — Лариссу (а.482.2), персы — Амиду, ряд городов Сирии, в том числе — Антиохию (а.502.2; 503; 540.1-2). В остальных случаях речь идет о захватах и разорении каких-либо конкретных территорий (а.422.3; 427.1; 441.1; 442.2; 454.1; 479.2; 483; 487; 489; 499.1; 502.1; 515.5; 517; 530), о вторжениях в какую-то провинцию или прохождении варваров по ней (а.386.1; 406.2; 447.4; 481.1). Но подобная манера изложения фактов не говорит о меньшем внимании Марцеллина к городской проблематике в данном цикле информации. Ведь нетрудно заметить, что при перечислении *civitas*, подвергнутых нападению, речь идет, кроме иллирийских городов, занимающих особое место в симпатиях хрониста, опять-таки о крупных центрах, разорение которых заслужило особого упоминания как наиболее болезненное для общества.

Весьма примечательна также группа сообщений, касающихся такого бедствия городов, как пожары. Марцеллин фиксирует их 14 раз. В одном случае это описание пожара в Антиохии (а.526), в остальных речь идет о Константинополе. Из них 4 раза отмечается пожар главной церкви столицы, 5 раз — других общественных сооружений: портиков, цирка и т.п. (а.404.1; 415.1; 431.2; 446; 448.2; 491.2; 507.2; 509.1; 510.1). Трижды фиксируются пожары, вызванные народными движениями в Константинополе (а.491.2; 512.5; 532).

Таким образом, в отличие от описаний ущерба, наносимого городам врагами империи, в сообщениях о бедах, причиненных пожарами, не просто проглядывает особое внимание Марцеллина к крупным центрам. Здесь на-

выми войнами в Италии и Африке, по содержанию и сути не вписывающихся в данный цикл.

лицо гипертрофированный акцент на событиях в Константинополе. В то же время огромный удельный вес "столичных" сюжетов в этом цикле сообщений по сравнению с малым числом рассказов о землетрясениях, затронувших Константинополь, сам по себе не говорит об особых столичных пристрастиях хрониста. Несомненно, Марцеллин отметил бы не только три столичных землетрясения, а больше — имей они место в использованных им источниках. Думается, отсутствие в "Хрониконе" сведений о пожарах в других городах империи объясняется не большей подверженностью столицы этому бедствию, а большей его социальностью, тем фактом, что пожары — в основном дело рук людей, граждан (*cives*). Эта социальность просматривается и в сосредоточении внимания хрониста на ущербе, наносимом пожарами общественным сооружениям города. Иными словами, огромный вес Константинополя и его гражданства в глазах Марцеллина может быть основным объяснением подобной подборки и характера изложения материала.

Итак, наибольшим вниманием Марцеллина пользуется крупный город; именно его социальная значимость в первую очередь отражена "Хрониконом". Средний и малый город просматриваются в этом труде плохо, да и то в основном на конъюнктурном для хрониста иллирийском материале. Возможно, это отражает определенный локальный позднеантичный патриотизм Марцеллина — хотя главное место среди симпатизируемых им крупных центров занимает Константинополь. То, что хронист мог выражать взгляды верхушки крупного города, последнего социального резерва поздней античности, выглядит в свете таких фактов правдоподобно. Но интересно и другое: подчеркивание "Хрониконом" социальной значимости именно крупных центров в середине VI в. отвечало реальностям времени. Тревога Марцеллина именно по поводу проблем города такого типа изумительно накладывается на факт стагнации крупных центров Византии VI в.¹

¹ См.: Курбатов Г.Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV — VII вв. (конец античного города в Византии). Л., 1971. С. 109, 208.